

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/w1418-1294-8606-j

НАРРАТИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ У РОДСТВЕННИКОВ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В ХОДЕ ОСЕТИНО-ИНГУШСКОГО КОНФЛИКТА

Е.В. Федосова

Автор выражает благодарность членам общественной организации РСО-Алания «Рухс» Туаевой Альбине и Течиевой Зинаиде за оказанную помощь в организации проведения интервью, а также всем родственникам лиц, «без вести пропавших», которые приняли участие в интервьюировании.

В данной статье рассматриваются нарративные тексты родственников людей, пропавших без вести в ходе вооруженной фазы осетино-ингушского противостояния в 1992 г. Республика Северная Осетия-Алания – это один из 7 субъектов СКФО, которому уже на начальных этапах постсоветского периода пришлось столкнуться с множественными и разнообразными формами насилия, впоследствии вылившихся в посттравматический синдром, характерный для большого количества жителей РСО-Алания. К сожалению, в силу объективных и иных обстоятельств, проблемы людей с посттравматическим синдромом не стали предметом исследования ни практикующих психологов, ни предметом исследования в рамках научного дискурса. В предлагаемой статье автор впервые, на основе научной методологии, пытается сформулировать основные подходы к изучению проблем данной категории людей. В качестве объекта исследования выступают родственники людей, пропавших без вести в результате осетино-ингушского противостояния в 1992 г. По результатам анализа нарративных текстов, выполненных в рамках качественной парадигмы социологии, можно утверждать, что помимо личностных характеристик, стимулирующих выход индивида из посттравматического состояния, существует целый комплекс социокультурных механизмов, влияющих на посттравматический рост у лиц, находившихся длительное время в травматической ситуации. В своем исследовании особенностей проживания посттравматической ситуации у родственников лиц, пропавших без вести в ходе вооруженного противостояния 1992 г., мы опирались на концепты экзистенциальной философии и качественные методы социологии, так как, на наш взгляд, именно данное сочетание предлагаемых концептов и методов позволяет дать исчерпывающие ответы на поведение человека, находящегося длительное время в ситуации посттравматического синдрома.

Ключевые слова: посттравматическая ситуация, нарративные тексты, метод триангуляции.

В октябре – ноябре 2020 г. (31 октября – 4 ноября) исполняется двадцать восемь лет с момента возникновения и развертывания вооруженной фазы осетино-ингушского противостояния. В результате вооруженных действий на территории Пригородного района РСО-Алания 583 чел. считаются погибшими, 261 пропавшими без вести [1, 21–53].

В новейшей истории Российской Федерации – этот конфликт занимает особое место, так как технологии политического управления, применяемые за весь период поствооруженной фазы, оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на общий вектор межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе, и, в том числе, как это не покажется странным, продолжают оказывать влияние и на родственников людей, пропавших без вести в результате вооруженного противостояния в 1992 г.

В своем исследовании особенностей проживания посттравматической ситуации у родственников лиц, пропавших без вести в ходе вооруженного противостояния 1992 г., мы опирались на концепты экзистенциальной философии и качественные методы социологии, так как, на наш взгляд, именно данное сочетание предлагаемых концептов и методов позволяет дать исчерпывающие ответы на поведение человека, находящегося длительное время в ситуации посттравматического синдрома.

Проблема посттравматического синдрома (ПТСР) в мировой практике довольно хорошо исследована. Исследователи психических болезней стресса и Международная классификация болезней десятого пересмотра (МКБ-10) упоминают большой ряд условий возникновения ПТСР и его симптомов [2]:

- *Человек пережил событие, угрожающее жизни.*
- *Реакция в виде страха, ужаса, беспомощности.*
- *Навязчивые воспоминания о событии.*
- *Сны о пережитом событии.*
- *Действия или ощущения, воссоздающие пережитое.*
- *Психологическое напряжение при напоминании о травмирующих событиях.*
- *Избегание разговоров, связанных с травмой.*

Наличие у человека одновременно шести или более из этих симптомов позволяют диагностировать развернутый синдром ПТСР. Если выявлены пять или меньше симптомов, то это свидетельствует о компонентах ПТСР как последствия психологического травмирования.

Достаточно долгое время при исследовании последствий ПТСР психо-

логи занимались изучением и анализом индивидов и групп, которые не смогли преодолеть последствия посттравматического синдрома и находились в состоянии перманентного психологического угнетения. Данный подход получил в психологии обобщающее название «патогенетическая парадигма».

При этом во второй половине XX в., эмпирическим путем при составлении прогноза перспектив психологической травматизации населения, психологи стали использовать соотношение 1 к 4, где соотношение цифр в зависимости от ситуации сдвигается в ту или иную сторону [3]. Использование данного соотношения при работе с людьми, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в ситуации посттравматического синдрома, показывает, что примерно 80% участников кризисных событий, используя собственные ресурсы или ресурсы своего социального окружения, преодолевают негативные последствия ПТРС.

Поэтому практически одновременно с «патогенетической парадигмой» в недрах кризисной психологии стала формироваться новая парадигма, которую израильский ученый А. Антоновский назвал «сальютенной» (от лат. *salus* – *здоровье, благополучие*). В ходе обследования женщин, находившихся во время Второй мировой войны в концентрационных лагерях, А. Антоновский зафиксировал вместе со своими коллегами, что женщины, пережившие лагерь, демонстрируют в среднем более низкий уровень адаптивности, чем представители контрольной группы, но в то же время среди них оказалось и достаточное количество хорошо адаптированных людей [4, 52–65]. Это заставило исследователей во главе с А. Антоновским задуматься о тех факторах, которые способствуют посттравматическому росту (ПТР) людей, несмотря на пережитую травматическую ситуацию.

В ходе анализа результатов исследования А. Антоновский выделил несколько групп факторов, влияющих на посттравматический рост и помогающих преодолеть психологическую травматизацию личности. Эти факторы были проранжированы по следующим группам:

- группа психологических факторов (например, врожденный оптимизм и т.д.);
- группа факторов, связанных с социальным окружением (например, социальная поддержка родственников);
- группа факторов, которые связаны с физической средой (например, комфортная экологическая ситуация) [5].

Выделение данных групп факторов, помогающих человеку выйти из травматической ситуации, основывается на основном тезисе А. Антоновского, что стресс не всегда является патогенным, наоборот, при опреде-

ленных условиях он может быть салютогенным фактором, который способен провоцировать новые адаптивные механизмы [6, 37–50]. Если человек справляется со стрессом, то он может приобрести новые позитивные навыки, т.е. стресс, по А. Антоновскому, – это вызов, который мы можем обратить себе на пользу.

Говоря о психологическом здоровье человека, А. Антоновский рассматривает его как нахождение человека в определенной точке континуума, которая находится между психическим расстройством и психологическим здоровьем. Фактором, который укрепляет психологическое здоровье, является *чувство связности* [7]. Чувство связности включает в себя три основных компонента – это *постижимость, управляемость и осмысленность*.

1. *Постижимость* – суть этого компонента заключается в том, что человек, попавший в травматическую ситуацию, не стремится постичь полностью мир, он просто считает, что мир постижим в принципе, и поэтому он не избегает неопределенных ситуаций, считая, что и в этих ситуациях можно обнаружить определенный смысл и порядок;

2. *Управляемость* – это способность человека в травматической ситуации использовать свои внутренние и внешние ресурсы для того, чтобы пережить трагическую ситуацию и справиться с ней;

3. *Осмысленность* – это насколько человек, переживший травматическую ситуацию, испытывает эмоциональное переживание насчет того, что жизнь имеет смысл и ставит перед ним вызовы, которые он должен решить.

Цель данной статьи – возможность применения методов качественной социологии, в форме нарративных текстов, при исследовании социально-психологических условий, определяющих способность личности, пережившей травматическую ситуацию, к посттравматическому росту (*в данном случае – это родственники пропавших без вести в результате осетино-ингушского конфликта*).

Методологический смысл использования данных методов заключается в сочетании основ философии экзистенциализма и, так называемого, герменевтического обзора [8, 58–61], для преодоления односторонности и фрагментарности различных теорий и методик, прежде всего, психологических. Фактически в качестве методологической основы данного исследования был использован метод триангуляции.

Под методом триангуляции в научном дискурсе понимается сбор информации относительно одного и того же явления путем применения более, чем одного метода. Это необходимо для того, чтобы сравнить насколько верифицируемы сопоставляемые данные [9].

В различных исследовательских работах [10] при описании методологии триангуляции выделяются различные подходы триангулятивного анализа данных: интуитивный подход, процедурный подход, интересубъективный подход. При работе с родственниками пропавших без вести мы использовали процедурный подход, суть которого – это акцент на самой процедуре триангуляции с детальным и последовательным описанием каждого шага исследования, для того, чтобы сделать саму процедуру исследования «прозрачной» и «тиражируемой».

Любая процедура триангуляции, как известно, состоит из четырех основных этапов [9]:

Планирование триангулятивного исследования, предполагающее включение методологии триангуляции в различные дизайны качественного исследования: сравнительный анализ нескольких случаев, ретроспективный анализ, анализ единичного случая.

1. *Специфика сбора данных* – обращение к нескольким источникам информации, а затем комплексный анализ полученных данных.

2. *Специфика анализа данных* – триангуляция различных методов анализа и интерпретация полученных данных.

3. *Специфика обобщения данных* – специфический вопрос психологии, насколько возможен перенос полученных данных в конкретной ситуации в новые контексты и ситуации, метод триангуляции как раз позволяет эксплицитировать те или иные измерения на новые «сходные» контексты [11].

Представленный анализ посттравматического роста (ПТР) родственников пропавших без вести людей как раз и строится на основе данных этапов (табл.1).

Таблица 1

Анализ данных в процессе методологической триангуляции

Метод	Элементы анализа	Содержание анализа	Результаты анализа
Интервью	Мнение информантов относительно своего функционирования	Диагностика особенностей функционирования каждого информанта	Категории, отражающие особенности каждого из информантов
		Сравнительный анализ состояния всех опрошенных информантов	Интерпретация особенностей все опрошенных информантов

Сопоставление результатов	Основные детерминанты психологического благополучия	Сопоставление показателей посттравматического роста каждого информанта	Описание индикаторов посттравматического роста для каждого информанта
		Сравнение показателей посттравматического роста для всей группы информантов	Типология условий посттравматического роста информантов, переживших психологическую травму

Использование методологии триангуляции позволило нам сопоставить данные разных информантов, полученные в ходе стандартизированного интервью (структура и содержание травмы, опыты переживания травматической ситуации, механизмы восстановления).

В ходе сопоставления полученных данных была выделена группа социально-психологических условий, которые помогают личности пережить травматическое событие, а также способствуют формированию факторов посттравматического роста. К основным факторам, влияющим на посттравматический рост наших респондентов, были отнесены:

a) Социальные условия, которые включают в себя структуру семьи, конфликты в семье, использование различных форм насилия, в том числе родительской, особенно это актуально для респондентов более молодого возраста, которые на момент наступления кризисной ситуации проживали с родителями;

b) Психологические условия, включающие в себя анализ отношения к себе и собственной жизни, локус вины в произошедшем кризисном событии, цель в жизни, способы преодоления жизненных трудностей;

c) Физиологические условия – и это, прежде всего, возраст, в котором находились респонденты на момент разворачивания кризисной ситуации.

На первом этапе нашего исследования – *планирование триангулятивного исследования* – были получены данные относительно уровня психологического благополучия у родственников лиц, пропавших без вести, также был проанализирован посттравматический рост, автономия, позитивное отношение к окружающим. Посттравматический рост (ПТР) среди наших информантов был зафиксирован у 31,3%; незначительный уровень или отсутствие посттравматического роста было зафиксировано у 68,7% информантов, в основном, это были представители старшего возраста.

Обследованию подвергались близкие родственники пропавших без вести: родители, жены, братья, сестры, племянники. При обследовании

была выявлена определенная закономерность, влияющая на посттравматический рост родственников лиц, пропавших без вести. Прежде всего, – это возраст, чем моложе были участники обследования на момент психологической травматизации, тем выше у них уровень посттравматического роста (табл.2).

Таблица 2.

*Влияние возрастного фактора информантов
на посттравматический рост*

Информанты	Степень родства с пропавшими без вести	Возраст информанта на момент попадания в психологическую травму	Индикатор посттравматического роста
1.	Женщина (дочь), пропал отец в с. Чернореченское	19	«...жить по-любому надо было. Мы в первое время по родственникам скитались. Постоянно пытались найти, узнать что-нибудь про отца. И потом, мама у меня еще какой стойкий оловянный солдатик! Мы старались как-то поддержать друг друга».
2.	Женщина (мать), пропал сын в с. Редант 1	52	«Друзья моего сына, их было много, но потом многие уехали отсюда, сейчас остался один друг, который заходит к нам, правда у него у самого сейчас проблемы в семье и сам нуждается в поддержке! Когда муж был живой, было много его друзей, сейчас я уже никого из них не знаю. Сейчас у меня уже проблемы с памятью, имена забываю, не сплю, что только я не делала! Дочка помогает, лекарства всякие покупает».
3.	Женщина (сестра), пропал брат в с. Редант 1	20	«Я из такой категории людей, что, если сама не возьму себя в руки, то мне никто не поможет!»
4.	Женщина (жена), пропал муж в с. Чернореченское	55	«Жить надо было. Семья большая, 4 детей, внуки, тогда еще свекровь жива была, она парализованная лежала..., ухаживать надо было»

5.	Мужчина (брат), пропал брат во Владикавказе	32	«Я в начале как чумной был, но потом понял – жить надо. Родители на мне остались, семья, племянники – это теперь все я...»
6.	Женщина (сестра), пропал брат в п. Южном	25	«Тяжело...очень. Кричать, кричать хотелось, но надо было искать,...надежда была. Родителей исчезновение брата практически убило. Они так и не смогли...поверить, что его больше нет. Так и ушли...»
7.	Мужчина (брат), пропал в с. Чермен	38	«Я мужчина...должен был что-то делать. Вот делал, искал, на обменах ездил...»
8.	Женщина (сестра), брат пропал в с. Чернореченское	29	«Семья... семья у нас большая была. У сестры пятеро детей, у брата двое ... это, наверное, и было какое-то спасение, честно говоря».
9.	Женщина (сестра), пропал брат в п. Редант 2	32	«...все нас поддерживали, все переживали. Конечно, родственники, соседи очень сильно тоже переживали. В начале друзья брата помогли».
10.	Женщина (сестра), брат пропал в п. Южный	27	«Когда все случилось... я в церковь ходить стала. Сначала плакала, потом разговаривала со святыми, молилась...»

При этом необходимо отметить тот факт, что механизмы посттравматического роста, несмотря на возраст, запускались и у людей старшего возраста, у которых были большие семьи и с насильственным исчезновением близкого родственника жизнь не заканчивалась.

Информант 4 (женщина) «...семья большая, четверо детей, внуков сейчас: у дочери пятеро детей, у одного сына двое, у другого сына тоже двое, так что... как-то надо было выживать... Потом нас еще отселили, наше село ушло под водозабор, надо было жизнь обустроить как-то на новом месте...».

Естественно, что совершенно иная ситуация складывалась в семьях, где пропавшим без вести становился единственный в семье мужчина, но тем не менее и среди этой группы информантов можно найти определенные детерминанты посттравматического роста.

Информант 3 (женщина) «Мы очень дружно жили, несмотря на то, что мы отца рано потеряли, мне тогда было всего 12 лет, а брату – 16. Мы остались втроем: мама, брат и я. До 92-го года, к тому времени мы, естественно, окончили школу, брат отслужил в Армии, закончил инсти-

тут, учился он не здесь, вернулся он, женился и вот на тот момент мы жили вчетвером: мама, брат с женой и я.

И: Понятно... (пауза) Ясное дело, что в те тревожные дни как у Вас было в семье, кто кого поддерживал: Вы маму или мама Вас? Наверное, все-таки была ситуация надежды и ожидания!

З: Наверное, я маму поддерживала!

И: Вы маму поддерживали... А Ваша невестка оставалась с вами?

З: Да, она у нас еще полтора года прожила.

И: Потом вернулась домой? Детей не было?

З: Да, нет!

И: Понятно! И вот все эти годы вы находились в таком вот негативном эмоциональном состоянии, с чувством несправедливости... нам говорили, что в те времена, при Галазове, все родственники пропавших без вести собирались вместе. Ваша мама тоже туда ходила?

З: Да, мама ходила туда, но, если раньше хоть какая-то была надежда, то потом... ну нельзя же говорить, что «мы не знали, что так будет!». Были свидетели всем этим событиям... Если вот по горячим следам не нашли! Вот нет такого дня, когда бы ты об этом (слезы на глазах) не думал! Вот если сразу этого не сделали, то как-то знаете...».

Но при этом необходимо отметить, что для всех наших информантов, даже для тех, которые демонстрируют невысокий уровень посттравматического роста, в качестве одного из индикаторов снижения психологической травматизации стала совместная деятельность по поиску своих пропавших родственников:

Информант 1 (женщина) «во времена Галазова мы активно общались, в доме правительства даже скамейки внутри поставили. Может быть, ничего и не делалось, но людей без внимания не оставляли. На протяжении скольких лет они каждый день, каждый месяц так собирались, каждое утро, как на работу ходили! Потом уже времена поменялись, мы стали никому не нужны, кто-то потерял надежду, кто-то умер. Я все равно пыталась их поддержать, все время говорила, что надо держаться. Как мы можем опустить руки, мы не имеем права. То правление уже сменилось, Галазова уже нет, «Царство ему небесное» (привстала), но надо же жить дальше! Я ему благодарна за то, что он не оставлял без внимания никого, единственный из всех наших правителей!».

Информант 2 (женщина) «Спрашиваете, откуда силы брались... сейчас их практически нет. За дочь сильно переживаю, что она одна осталась. Держусь ради дочери. А вначале надежда была, что вот еще чуть-чуть и обменяют, а потом мы, родственники тех, кто пропал, постоянно собирались, какой-то информацией обменивались. Кто, что узнал,

как-то легче было, надежда была. А потом ... все. Сейчас вот тоже собираемся, организация у нас своя, если какие вопросы серьезные по нашему делу, то мы приходим, обсуждаем все. Я стараюсь участвовать всегда, но вот только в последнее время часто болею, не могу всегда придти. Многих уже нет ... ушли».

Информант 5 (мужчина) «Вы знаете, мы, когда своих искали, перезнакомились друг с другом, везде вместе были. И, когда посмотрел, что там женщины, у которых сыновья единственные пропали, а они держатся... Не знаю, как сказать, но тогда уже подумал, что горе наше, оно сблизило нас, мы тогда, как родные стали. Не скажу, что прошла боль...но как бы ты понял, что ни один».

Из интервью наших респондентов становится ясно, что в самый тяжелый начальный период кризисной ситуации эти люди, объединившись в поисках своих пропавших родных, проявили активность, которую на тот момент можно было рассматривать как определенную форму посттравматического роста.

Это не означает, что они не испытывали страданий от насильственного исчезновения своих близких, но объединившись они пытались решить эту проблему или хотя бы проговорить ее друг с другом и перед властями.

Если рассматривать их действия в контексте теории А. Антоновского, то в их деятельности на тот период начали действовать три основных чувства согласованности:

1. Пытаясь прояснить обстоятельства исчезновения своих родственников и узнать, что именно с ними произошло, они делают ситуацию для себя более **понятной**;

2. Проявляя активность в поисках своих пропавших родственников, они стали выходить из оцепенения и хаоса, пытаются разрешить ситуацию и тем самым делая ее **управляемой**;

3. Участвуя в совместных усилиях по поиску не только своих, но и чужих родственников, родственники пропавших без вести обретают **смысл** своей деятельности, даже в ситуации, когда им не удастся ничего узнать о судьбе своих родственников.

Совместная деятельность в группе, родственников, пропавших без вести, может рассматриваться как один из важнейших факторов посттравматического роста.

Так сложились обстоятельства, что длительное время родственниками пропавших без вести в нашей стране в целом и в нашем регионе в частности никто не занимался в плане оказания им профессиональной психологической помощи и изучения феномена ПТР в результате произошедших травмирующих событий. Поэтому первым шагом к посттравматическому

росту у наших респондентов стала совместная деятельность по поиску пропавших без вести.

Только небольшая часть родственников пропавших без вести в результате осетино-ингушского конфликта, проживающих на территории РСО-Алания, в последние годы была вовлечена в групповую психотерапевтическую работу, проводимую психологами и травмпсихологами в рамках проекта «Гуманитарный диалог по человеческой безопасности на Северном Кавказе», реализуемого неполитической общественной организацией «Миротворческая Миссия им. Генерала Лебеда».

К сожалению, в психотерапевтическую работу были вовлечены всего лишь несколько человек из числа родственников пропавших без вести. Однако у тех, кто принял участие в психотерапевтической работе, однозначно наблюдается психотерапевтический эффект.

Информант 1 (женщина) *«Вот один только раз, когда нас пригласили в Пятигорск, миссия собирала родственников пропавших без вести на реабилитационную работу. Вот тогда моя мама поехала, и это ей очень помогло, она изменилась! Там они общались с такими же женщинами из Ингушетии, привезли фотографии, рассказывали, делились друг с другом о своей жизни. И тогда у мамы пропала всякая агрессия. Это очень сильно на нее подействовало. Но это было всего один раз!».*

Информант 2 (женщина) *«В Пятигорске у нас были психологи хорошие, нас собирали в группы, и так отдельно тоже мы с ними были. Так, представляешь, психолог мне все про мою жизнь рассказала!».*

В монографии известного австрийского психолога Б. Прайтлер [12] отмечаются четыре основные психологические возможности, которые позволяют родственникам лиц, пропавших без вести, перейти к посттравматическому росту:

1. **Ослабление чувства вины**, когда люди делятся своей травматической ситуацией, они делятся своим опытом с такими же, как и они. И это позволяет им, с одной стороны, обрести новые точки зрения на свою ситуацию, а также им помогает знание, что они ни одни находятся в подобной ситуации.

Информант 1 (женщина) *«...жить по-любому надо было. Мы в первое время по родственникам скитались. Постоянно пытались найти, узнать что-нибудь про отца. Тогда были обмены, были участки, куда привозили людей. И мы вот постоянно бегали туда, это было в интернате. Списки смотрели, все бегали по разным инстанциям. Но все бесполезно оказалось. Мама сама, кстати, даже, российские же вели уголовные дела по пропавшим, они эти дела вели, и мама даже с генералом (или не знаю кто он там был), в Джейрах даже с ним ездила мама, чтобы спросить, разузнать что-нибудь об отце».*

Информант 6 (женщина) «Когда мы узнали, что брат пропал, мы просто не могли в это поверить. Он просто исчез... поехал на работу и исчез... Родителей- это просто убило, отец сразу слег и уже не поднялся, мама тоже ... Но, знаете, когда мы начали искать брата и встретились с такими же, как и мы... Столько всего выслушали... не знаю... может быть это и не красиво, но как-то за всей этой деятельностью, некогда стало задавать один и тот же вопрос: «За что? Почему он?» Когда видишь сколько людей это задело, то уже как-то о себе и своих муках говорить неудобно»;

Информант 7 (мужчина) «Не знаю ... как это все сказать, я, когда брат пропал, все себя винил, как это не уследил. Он старший был у нас в семье, ему тогда уже за 50 было... Все сначала думали, как это... Потом, когда искали, по инстанциям всяким ходили, никто ничего не мог сказать, постоянно на обменных пунктах дежурили, там с другими родственниками познакомилась, они тоже искали своих, там женщин много было..., которые своих искали. Я сначала не понимал, что женщины там делают, а потом познакомилась, общаться стали, они свои истории рассказывали. И я понял, что они искали своих сыновей, мужей, которые пропали. Ну, я их потихоньку поддерживать стал, знаете, как у нас на Кавказе, мужчина главный, а тут больше нет у них мужчин».

2. Принятие собственных чувств отчаяния и беспомощности и облегчение чувства вины. Объединение усилий родственников по поиску пропавших без вести, в какой-то мере, привело к снижению уровня отчаяния у них.

Информант 1 (женщина) «...когда Галазов был, он наш глава республики и во время его руководства происходили эти события. Он оказывал помощь, выделял материальную помощь, просто собирал людей поговорить, пообщаться, узнать, какие проблемы».

Информант 8 (женщина) «Мы активно общались, в доме правительства даже скамейки внутри поставили. Может быть, ничего и не делалось, но людей без внимания не оставляли. На протяжении скольких лет они каждый день, каждый месяц так собирались, каждое утро, как на работу ходили!»;

Информант 9 (женщина) «...они активно встречались, пытались до всех достучаться, по всем ходили, начиная от руководителя республики и до министра по делам национальностей... Знаете, такая вот общность между родственниками образовалась, когда ты не один со своим горем, а еще есть такие, то легче на какой-то момент становится».

3. Переоценка собственного травматического опыта позволила родственникам по-новому взглянуть на травматическую ситуацию, и этот

новый опыт позволил им понять, что существуют разные формы совладания с горем. В результате была создана Северо-Осетинская региональная организация родственников погибших и пропавших без вести «Рухс» (Свет), деятельность которой уже приняла институциональные формы по поиску пропавших без вести.

Информант 1 (женщина) «...уже 24 года как прошло с момента тех событий. Пришлось мне как бы на себя эту ответственность взять, чтобы хоть как-то торموшить, как-то что-то добиваться, чтобы хоть что-то делалось»;

Информант 3 (женщина) «Есть большое желание донести до каждого, чтобы люди делали выводы, чтобы в следующий раз ничего подобного не повторилось!».

Исходя из вышесказанного, можно сделать промежуточный вывод, что переживание травматического события не ограничивает возможности личности, а при определенных условиях становится источником посттравматического роста.

Фактически у наших респондентов посттравматический рост происходил в рамках модели BASIC Ph, которая была предложена известным израильским исследователем, директором центра кризисной психологии (Израиль) Мули Лаадом [13]. Он предложил и описал модель посттравматического роста, базирующуюся на шести измерениях, в которых и заключен весь сценарий выхода человека из травматической ситуации:

- Философия жизни, верования и нравственные ценности (Belief);
- Чувство (Affect);
- Общество, социальная организация (Social);
- Воображение, творчество (Imagination);
- Сознание, реальность, мысль (Cognition);
- Физическая, чувственная модальность (Physiology) [13].

Наличие всех этих элементов и составляет матрицу посттравматического роста BASIC Ph, которая формирует стиль выхода человека из кризисной ситуации. По мнению М. Лаада, посттравматический рост индивида протекает более, чем в одном из предложенных каналов. В принципе люди могут пользоваться и пользуются для своей реабилитации иногда и всеми шести каналами, но, естественно, что каждый индивид вырабатывает свою собственную конфигурацию.

Из нашего исследования стало абсолютно ясно, что каждый человек по-своему комбинирует механизмы борьбы с травматической ситуацией и у каждого своя конфигурация элементов модели BASIC Ph. В зависимости от доминирующих элементов модели BASIC Ph, можно выделить шесть

основных методов совладания с травматической ситуацией, что и подтвердили результаты нашего исследования:

1. Когнитивно-поведенческая доминанта – в основе данного метода совладания с кризисной ситуацией доминантой выступает сбор информации, самоориентация, решение проблем:

Информант 1 (женщина) *«Моя инициатива была в том, что, когда видишь, что все люди равнодушны ко всему происходящему ... уже 24 года как прошло с момента тех событий. Пришлось мне как бы на себя эту ответственность взять, чтобы хоть как-то тормозить, как-то что-то добиваться, чтобы хоть что-то делалось»;*

Информант 2 (женщина) *«Ездила я каждый год насчет сына, нас же в Пятигорск зовут, но ситуация так и не прояснилась. Нас там собирали всех – чеченцы, ингуши, Дагестан, из Южной Осетии, всех собирают»;*

Информант 8 (женщина) *«...мы активно встречались, пытались до всех достучаться, по всем ходили, начиная от руководителя республики и до министра по делам национальностей ... Мы старались делать так, чтобы не оставаться по одному дома».*

2. Доминанта с опорой на веру, духовные ценности – в качестве веры могут рассматриваться не только религиозные убеждения, но и политические пристрастия, стремление к самовыражению, самореализации и т.д.:

Информант 3 (женщина) *«У нас в Осетии все-таки, ты воцерквлен или не воцерквлен, все-таки люди верят и во Всевышнего, и все равно каждый день и про себя молишься и вслух молишься. Ну, поддержка близких! А так вот... Ну у нас нет таких институтов, чтобы оказали психологическую помощь. Да я и не особо верю в психологов!»;*

Информант 4 (женщина) *«... в церковь, конечно, не так часто, но по возможности хожу. Я и иконки купила, свечки и дома молюсь. ... Но я хотела все сделать по нашим законам, чтобы официально, чтобы могила была и все почести, как полагается по умершим делают. И узнавала у старших. Мне сказали, что нельзя делать так, не положено делать, просто ни с того, ни с сего это все в доме делать нельзя. Если не дай бог, конечно, если кто из дома умрет, тогда можно, а так в доме внуки, поэтому нельзя. Я сама уже настроена и говорю детям, что, когда я умру, тогда и сделаете все»;*

3. Социальный метод совладания с кризисной ситуацией – доминантой выступает принадлежность к социальной группе, выполнять какие-то функции в социальной организации:

Информант 1 (женщина) *«И: А как у Вас родилась идея создать этот фонд, объединить родственников всех пропавших без вести спустя столько лет?!*

А: Этим тогда занимался Алан Т., он тогда сотрудничал с миссией этой, а я была далека от всего этого. И как-то вот Алан говорит, что надо поехать в Пятигорск, там бывают разные конференции и надо, чтобы от Северной Осетии там кто-то был. А в Ингушетии этот комитет, оказывается, уже был. С 93-го года они его создали... и вот я, конечно, тут же сразу собралась, поехала. Пару раз я туда поехала просто так посмотреть, поприсутствовать, как говорится, для галочки, поприсутствовать от Северной Осетии. Потом он мне сказал, и Мукомолов Александр Федорович тоже сказал, что давайте создавайте организацию. Они, конечно же, помогли мне со всей документацией... Зарегистрировались, создали организацию».

Информант 10 (женщина) *«Мы знакомы с Альбиной давно, еще по нашим встречам. С Александром Федоровичем сотрудничал Алан Т., он нас всех хорошо знал, приходил домой, собирал все те же карточки, сведения. Потом Алан занялся своим бизнесом, и Александр Федорович предложил Альбине.*

И: И как Вам работать с этими людьми? Вот вы мне список прислали, в нем записано 30 человек, а на встречу пришло всего лишь пятеро! Как вы считаете почему? Люди были все очень заняты или же разочаровались, уже нет никакой надежды!

З: Скорее всего, люди разочаровались, потому что за столько вот лет, куда только не стучались и не обращались! Просто люди уже устали и потеряли надежду!

И: Да, сроки уже большие! Как я поняла из рассказа Александра Федоровича, что сейчас цель фонда «Миссия генерала Лебеда» – это найти останки без вести пропавших людей, сделать ДНК и перезахоронить их на своей земле!

З: Да, ты должен знать, что с твоим близким! Согласитесь, что хуже неизвестности и неопределенности с близкими мало что еще может быть...»

4. Доминанта с опорой на воображение, фантазии – респондент грезит наяву, предается фантазиям, воспоминаниям и отвлекается от ситуации с помощью «управляемой образности», и зачастую его решение проблемы выходит за пределы реальности:

Информант 2 (женщина) *«Я вспоминаю все время, как там было хорошо! Несмотря на то, что все бедно жили, но у нас все было в доме, все: и свежая сметана, и свежий сыр. Это славилось, кобинский сыр. Такие сыры продавали. Картошка отборная, вкусная, красивая!*

... вот идешь, трава чистая! Я вот здесь баранину не ем, она с запахом, а там, нет, потому что трава чистая, ни грязи, ничего! А сейчас вот, кото-

рые продают «боржоми», мы ее не пили, и старики все знали, от какой болезни какую воду пить надо, а то, что сейчас продают «боржоми», это уже не то! Там бывало руки помоешь, и они трескались! У нас там такой дом хороший был, когда приезжали летом подруги моей сестры, мои подруги, они все удивлялись, что мы городские, а у нас такие планы хорошие. И из Ростова дядька приезжал. Сейчас уже никого у меня не осталось из отцовских и материнских родственников. У мамы тоже близкие все образованные.

Да, а сейчас там уже никто не живет. Места хорошие, вот где Терек берет начало свое. Часто показывают Трусовское ущелье.

И представь, что каждый старался, чтобы их дети были образованные, работающие и воспитанные. Летом они работали, а зимой учились. Зимой там столько снега было, это вообще! И у нас в селе было всего 40 дворов. И к чему я это говорю, вот всего 40 дворов и 25 человек забрали на фронт, и никто не вернулся! И этих ребят, и один лучше другого!

Сейчас я много раз говорю, что, если бы здоровье было, то я бы с удовольствием бы уехала туда, где я родилась, чтобы никого не видеть, спокойно пожить. Там одну траву сорвешь, совсем как лекарство».

5. Доминанта с опорой на аффективные или эмоциональные методы – смех, плач, устное изложение своих переживаний. Необходимо отметить, что данная доминанта присутствовала в той или иной мере во всех интервью респондентов. Где-то она была более ярко выражена, где-то менее. В данном случае большую роль играет ранний эмоциональный опыт (З. Фрейд), и то, как индивид, какими методами привык выходить из конфликтных ситуаций.

Информант 5 (мужчина) «Когда ты еще за эти 20 лет не видишь не то что какую-то справедливость, а то, что намеренно замалчивают и делают вид, что «ничего не было, ничего не помним и не надо это ворошить», то согласитесь, что это очень неправильно!»;

Информант 6 (женщина) «Силы ушли, надежда умерла! Да, и возраст какой! Моей маме уже через год будет уже 80 лет! Она уже не может и физически и морально! Она чуть-чуть начинает нервничать и все! Это стресс, это никуда не уйдет! ... вот в последнее время я стала за ней замечать, что она как-то странно себя ведет. Я же говорю, что с того момента, как вот это произошло, хоть мы по родственникам скитались, но вот с того самого момента она нет, чтобы раздеться и лечь в кровать, она нет, она ложится в одежде. С тех пор вот так вот уже 24 года. Это стресс, понятно!»

6. Доминанта с опорой на физические, телесные смыслы борьбы – в основе деятельности людей с данной доминантой лежит физическая деятельность, физические упражнения.

Информант 3 (женщина) *«И: Вот вы, например, на работе целый день, а чем мама занимается?»*

З: Контролирую маму в течение дня, даю кучу поручений!

И: Получается, что и у Вас жизни нет, потому что постоянно на телефоне!

З: А у других пенсионеров лучше жизнь? Они не предоставлены сами себе?

И: С этим я согласна! Просто учитывая, что Ваша мама пережила, потом, какой каскад заболеваний ей пришлось преодолеть. Дома может быть у Вас животные какие есть или цветы, то есть то, куда мама может применить себя.

З: Цветов у нас очень много! Сейчас уже не так много, но одно время все было в цветах, мама занималась! Потом мы живем не в квартире, мы живем в своем доме, а там бывает много хлопот и в доме, и во дворе!»

Информант 5 (мужчина) *«...много работал, дальнбойщиком стал, в поездках постоянно был... там, в поездке, все как-то легче становилось».*

Взаимодействуя с нашими информантами, мы поняли, что на посттравматический рост родственников пропавших без вести могут влиять радикальные изменения условий жизни, которые продолжаются достаточно длительное время, но и в то же время более слабые изменения в перспективе оказывают позитивное влияние на психологическое самочувствие. Данные изменения происходят как под воздействием внешних факторов, так и под влиянием внутренних мотивов личности.

Для того чтобы преодолеть кризисную ситуацию индивиду, необходимо мужество. Мужество, как определенный вид человеческой активности, когда человек вынужден действовать вопреки, прежде всего, - это способность совершать определенный поступок. Не всякая человеческая активность приводит к посттравматическому росту, а только та, которая ведет к добру и справедливости. В противном случае, человек впадёт в состояние неописуемости и остановки личностного роста, которое не поддается описанию дихотомической связки «добро-зло», и поэтому мы в данном случае не можем говорить о посттравматическом росте.

Посттравматический рост – это мужество быть вопреки. Вопреки смерти и вопреки кризисным обстоятельствам.

В заключение нашей статьи мы хотим привести выдержку из интервью одной нашей информантки. Эти слова, на наш взгляд, и являются подтверждением тезиса, что посттравматический рост – это мужество быть вопреки:

«Я безумно любила своего отца, всегда ждала его с работы, и у меня терпения не хватало, когда же он придет. Я, конечно же, все это очень

сильно переживала, но у меня, и на тот момент, и вот сейчас, у меня нет ненависти. Многие даже не понимают меня, но у меня нет ненависти. Ненависти нет потому, что обе стороны здесь пострадали, и я не хочу, чтобы была месть, чтобы было продолжение, не хочу враждовать, не хочу, чтобы кто-то это опять переживал! Чтобы не пострадали наши дети! Не хочу, чтобы было повторение! Хочу, чтобы на этом все закончилось и все! Я говорю Х... (родственница пропавших без вести с ингушской стороны), я ей всегда говорю, что нам не надо в политику лезть! Нас это не касается. Нам нужно и важно, чтобы нашли наших родных – твоих, моих, пусть в последнюю очередь найдут моего отца, но пусть их найдут!

Чтобы души наши уже спокойны были. Нам не надо разжигать вот это все, нам это не надо! Надо, наоборот, нам углы обрубать, сглаживать, чтобы не накалялось это все!».

1. Северный Кавказ: сложности интеграции (I), этничность и конфликт. Доклад Кризисной группы (Европа) № 220. 2012. 19 октября. 53 с.

2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 1993. 400 с.

3. Пергаменщик Л.А. В поисках кода выживания // Ананьевские чтения – 2008: Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2008» / под редакцией Л.А. Цветковой, Н.С. Хрустальной. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. С. 318–319.

4. Antonovsky A., Bernstein J. Pathogenesis and Salutogenesis in War and Other Crises: Who Studies the Successful Copier? // Stress and coping in time of war: generalizations from the Israeli experience / Ed. N.A. Milgram. N.Y.: Brunner/Mazel, 1986, pp. 52–65.

5. Осин Е.Н. Чувство связности, как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. №3. С. 22–40.

6. Antonovsky A. The Sense of Coherence as a Determinant of Health // Advances, Institute for Advancement of Health. 1984. Vol.I. No. 3, pp. 37–50.

7. Antonovsky A. Health, Stress and Coping. San Francisco: Jossey-Bass, 1979. 25 p.

8. Greenhalgh T. Культурные контексты здоровья: нарративные методы исследования в секторе здравоохранения. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2016 г. (Сводный доклад №49 Сети фактических данных по вопросам здоровья (СФДЗ)). 2016. 66 с.

9. Пергаменщик Л.А., Новак Н.Г. Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. №4. С. 161–169.

10. Smalling A. Methodologische objectiviteiten en kwalitatief onderzoek. Lisse, the Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1987.

11. Янчук В.А. Методология и методы психологического исследования в психологии и социальных науках. Минск: АПО, 2011. 376 с.

12. Прайтлер Б. Бесследно пропавшие... психотерапевтическая работа с родственниками пропавших без вести. М., 2015. 269 с.

13. Lahad M, BASIC Ph – the story of coping resources, Community Stress Prevention (Vol. II).

Fedosova, Elena V. – Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); fedosova_e@inbox.ru

NARRATIVE CONTEXTS IN THE POST-TRAUMATIC SITUATION OF THE RELATIVES OF THE PEOPLE RECORDED MISSING DURING THE OSSETIAN-INGUSH CONFLICT

Keywords: *post-traumatic situation, narrative texts, triangulation method*

This article touches upon the narrative texts of the relatives of the people who were reported missing during the armed phase of the Ossetian-Ingush confrontation in 1992. The Republic of the North Ossetia-Alania is one of 7 subjects of the North Caucasian Federal District, which at the initial stages of the post-Soviet period had to face multiple and varied forms of violence, which subsequently resulted in the post-traumatic syndrome characteristic of a large number of residents of the North Ossetia-Alania. Unfortunately, due to objective and other circumstances, the problems of people with post-traumatic syndrome have not become the subject of research either by practicing psychologists nor they have become the subject of research within the framework of scientific discourse. In this article, the author for the first time, on the basis of scientific methodology, tries to formulate the main approaches to studying the problems of this category of people. The object of the research is the relatives of people who disappeared as a result of the Ossetian-Ingush confrontation in 1992. Based on the results of the analysis of narrative texts, performed within the framework of the qualitative paradigm of sociology, it can be argued that, in addition to the personal characteristics that stimulate an individual's overcoming the post-traumatic state, there is a whole complex of socio-cultural mechanisms that affect post-traumatic growth in persons who have been in a traumatic situation for a long time. In our study of the peculiarities of living a post-traumatic situation with relatives who disappeared during the 1992 armed confrontation, we relied on the concepts of existential philosophy and qualitative methods of sociology, since, in our opinion, it is this combination of the proposed concepts and methods that

makes it possible to give exhaustive responses to the behavior of a person who has been exposed to the situation of post-traumatic syndrome for a long time

REFERENCES

1. *Severnyi Kavkaz: slozhnosti integratsii (I), etnichnost' i konflikt. Doklad Krizisnoi gruppy (Evropa)* [North Caucasus: difficulties of integration (I), ethnicity and conflict. Crisis Group Report (Europe)]. №220. 2012. 19 oktyabrya. 53 p.
2. Aleksandrovskii, Yu.A. *Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva* [Marginal mental disorders.]. Moscow, Meditsina, 1993. 400 p.
3. Pergamenshchik, L.A. *Vpoiskakh kodavyzhivaniya* [In Search of the Survival Code]. *Anan'evskie chteniya – 2008: Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: mezhdistsiplinaryi podkhod* [Ananyev Readings – 2008: Psychology of Crisis and Extreme Situations: an Interdisciplinary Approach]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Anan'evskie chteniya – 2008»* [Materials of the Scientific and Practical Conference „Ananiev Readings – 2008“]. Edited by L.A. Tsvetkova, N.S. Khrustaleva. St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008, pp. 318–319.
4. Antonovsky, A., Bernstein, J. Pathogenesis and Salutogenesis in War and Other Crises: Who Studies the Successful Coper? Stress and coping in time of war: generalizations from the Israeli experience. Ed. N.A. Milgram. N.Y., Brunner/Mazel, 1986, pp. 52–65.
5. Osin, E.N. *Chuvstvo svyaznosti, kak pokazatel' psikhologicheskogo zdorov'ya i ego diagnostika* [The feeling of connectedness as an indicator of psychological health and its diagnosis]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2007, no. 3, pp. 22–40.
6. Antonovsky, A. The Sense of Coherence as a Determinant of Health. *Advances*, Institute for Advancement of Health. 1984, vol.1, no. 3, pp. 37–50.
7. Antonovsky, A. *Health, Stress and Coping*. San Francisco, Jossey-Bass, 1979.
8. Greenhalgh, T. *Kul'turnye konteksty zdorov'ya: narrativnye metody issledovaniya v sektore zdravookhraneniya. Kopengagen: Evropeiskoe regional'noe byuro VOZ; 2016 g. (Svodnyi doklad №49 Seti fakticheskikh dannykh po voprosam zdorov'ya (SFDZ))* [Cultural contexts of health: narrative research methods in the health sector. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; 2016 (Consolidated Report No. 49 of the Health Evidence Network (HHS))]. 2016. 66 p.
9. Pergamenshchik, L.A., Novak, N.G. *Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti, perezhivshei krizisnoe sobytie* [Socio-psychological conditions of psychological well-being of a person who

has experienced a crisis event]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. 2015, vol.6, no. 4, pp. 161–169.

10. Smalling, A. *Methodologische objectiviteiten en kwalitatief onderzoek*. Lisse, the Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1987.

11. Yanchuk, V.A. *Metodologiya i metody psikhologicheskogo issledovaniya v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [Methodology and methods of psychological research in psychology and social sciences]. Minsk, APO, 2011. 376 p.

12. Praitler, B. *Bessledno propavshie... psikhoterapevticheskaya rabota s rodstvennikami propavshikh bez vesti* [The disappeared without a trace ... psychotherapeutic work with the relatives of the missing]. Moscow, 2015. 269 p.

13. Lahad M, BASIC Ph – the story of coping resources, *Community Stress Prevention* (Vol. II).